

ГАЙ ГЭВРИЕЛ КЕЙ

GUY GAVRIEL KAY

RIVER OF STARS

VIKING
CANADA

ГАЙ ГЭВРИЕЛ КЕЙ

ЗВЕЗДНАЯ РЕКА

ЖАН
РЫ
АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

К33

Guy Gavriel Kay
RIVER OF STARS

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Печатается с разрешения Trident Media Group LLC и
The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Н. Х. Ибрагимовой*

Перевод стихов *К. А. Торшиной*

Оформление обложки — *Яна Половцева*

Серия «Фантастика!» основана в 2012 году

Кей, Гай Гэвриел.

К33 Звездная река / Гай Кей ; [пер. с англ. Н. Х. Ибрагимовой, К. А. Торшиной]. — Москва : АСТ, 2014. — 608 с. — (Фантастика!).

ISBN 978-5-17-084448-7

В легендах Китая звездная река лежит между смертными и их мечтами. Что бы ни случилось на земле между мужчинами и женщинами — жизнь и смерть, слава и радость, горе и конец горя, — звезды не меняются. Если не считать случайно пролетевшей кометы, которая иногда ненадолго появляется, очень яркая, потом тускнеет, а потом исчезает. Совсем как люди, некогда жившие на этой древней земле — правители и крестьяне, поэты и воины, герои и предатели. Но некоторые из них, уплыв навсегда по искрящейся небесной реке, обрели новую жизнь в легендах и песнях. История возникновения одной такой песни — перед вами...

УДК 821.111-312.9(71)

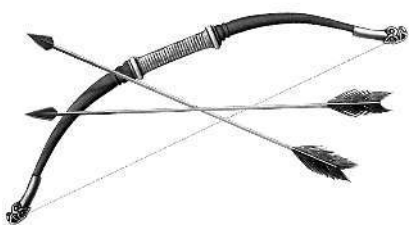
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-084448-7

© Guy Gavriel Kay, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Посвящается Леонарду и Эллис Коэн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Поздняя осень, раннее утро. Холодно, туман поднимается с лесной подстилки, окутывает зеленые деревья в бамбуковой роще, приглушает звуки, скрывает Двенадцать Пиков на востоке. Красные и желтые листья клена лежат на земле, падают сверху. Колокола храма на краю городка звучат где-то далеко, словно их звон доносится из другого мира.

В лесах водятся тигры, но они охотятся по ночам, и сейчас не голодны, к тому же это небольшая рощица. Крестьяне Шэнду, хоть и боятся их (а пожилые даже приносят жертвования на алтарь тигриному богу), все-таки ходят в лес днем, по необходимости – за дровами или на охоту, если только нет слухов о появлении в окрестностях тигра-людоеда. В такое время их всех охватывает первобытный страх, и поля остаются невозделанными, а чайный лист не собирают, пока зверя не убьют, что может стоить больших усилий, а иногда даже привести к гибели охотника.

Как-то утром мальчик был один в бамбуковой роще, окутанной туманом; слабые, тусклые лучи солнца едва пробивались сквозь листья: свет пытался заявить о себе, но без особого успеха. Мальчик размахивал самодельным бамбуковым мечом и сердился.

Он уже две недели был недоволен и расстроен по причинам, представляющимся ему самому достаточно вескими, ведь его жизнь лежала в руинах, подобно городу, разграбленному варварами.

Однако в тот момент, поскольку его мысли обычно принимали определенное направление, он пытался определить,

помогает или мешает гнев его умению сражаться бамбуковым мечом. И будет ли по-другому со стрельбой из лука?

Те упражнения, которыми он здесь занимался и которые сам изобрел, служили проверкой, тренировкой, способом дисциплинировать себя, а не детским развлечением (он уже не ребенок).

Насколько он мог судить, никто не знал, что он ходит в эту рощу. Его брат точно не знал, иначе он бы пошел за ним, чтобы насмеяться – и, вероятно, сломал бы его бамбуковые мечи.

Упражнения, которые он для себя придумал, состояли из очень быстрых вращений и оборотов, взмахов слишком длинного (и слишком легкого) бамбукового оружия, в которые он вкладывал всю силу, рубящих ударов сверху вниз и выпадов. Однако при этом мальчик старался не касаться деревьев, окружающих его в тумане.

Он занимался этим уже два года и затупил – или сломал – бесчисленное количество деревянных мечей. Они лежали, разбросанные, вокруг него. Он оставил их на неровной почве, чтобы усложнить задачу – на месте любого настоящего сражения будут подобные препятствия.

Мальчик был крупный для своих лет, возможно, слишком уверенный и непоколебимо решивший стать одним из величайших людей своего времени и вернуть своим умением и храбростью былую славу уменьшившемуся миру.

Он был также вторым сыном секретаря супрефектуры из города Шэнду, на западной границе китайской империи эпохи Двенадцатой династии, а это исключало возможность осуществления подобных амбиций в известном ему мире.

К этой истине сейчас прибавился тот неоспоримый факт, что единственный учитель в их супрефектуре закрыл свою частную школу, «Академию горы Интань», и уехал две недели назад. Он отправился на восток (на запад ехать было некуда) в поисках счастья или, по крайней мере, способа прокормить себя.

Он сказал горстке учеников, что, возможно, станет мастером ритуалов, будет совершать колдовские ритуалы Священного Пути, устанавливая связь с призраками и духами. Он сказал, что для этого существуют свои учения, что такую жизнь даже советуют вести тем, кто сдал экзамены, но не по-

лучил степень «цзиньши». Когда учитель Туань говорил им об этом, он, казалось, оправдывался, в его голосе звучала обида. В те последние недели он непрерывно пил.

Мальчик не знал, как все это понимать. Он знал, что существуют призраки и духи, конечно, но ему не приходило в голову, что его учителю о них что-то известно. Он не был уверен, действительно ли Туань Лун с ними знаком, или он подшутил над ними, или просто злился.

Он знал, однако, что уже не может продолжать свое обучение, а без уроков и хорошего учителя (и без еще многих вещей) невозможно записаться на экзамены на получение должности гражданского служащего при префектуре, не говоря уже о том, чтобы их сдать. Без этих первых экзаменов его тайные мечты о том, чтобы поехать в столицу и сдать экзамены на степень «цзиньши», не стоили и одной бессонной ночи.

Что до этих тренировок в лесу и его страстной яркой мечты приобрести навыки в военном искусстве, возродить честь и славу Катая... ну, когда спишь, обычно видишь сны. Он не видел ни одного пути, который теперь привел бы его к умению сражаться, вести за собой людей, жить или даже умереть во славу Катая.

Времена вообще были плохие. В весеннем небе стояла хвостатая звезда, на севере летом началась засуха. Новости доходили медленно в провинцию Сэчэнь, вверх по течению Великой реки или вниз через горы. Засуха вместе с войной на северо-западе определили трудный год.

Вся зима была сухой. Обычно Сэчэнь славится дождями: в летнее время его влажная земля исходит паром, с листьев без конца капает дождевая вода, постель и одежда никогда не просыхают. Дожди ослабевали осенью и зимой, но никогда не прекращались – в обычный год.

В этом году все было иначе. Весенний урожай чая оказался ничтожно жалким, а поля для риса и овощей слишком сухими. Осенние посевы пугали скудостью. К тому же налоги не снизили. Император нуждался в деньгах, шла война. Учитель Туань мог кое-что сказать по этому поводу, иногда он говорил безрассудные вещи.

Учитель Туань всегда заставлял их изучать работы по истории, но не быть ее рабами. Он говорил, что историю пи-

шут люди, у которых свои мотивы для собственного изложения событий.

Он рассказал им, что в Синане, столице прославленных династий, когда-то жили два миллиона человек, и что всего сто тысяч или около того живет там сейчас, среди развалин и обломков. Он рассказал, что Тагур, на западе, за перевалами, когда-то давно был империей-соперником, яростным и опасным, владел великолепными лошадьми, а теперь стал всего лишь горсткой жалких провинций и укрепленных монастырей.

Иногда после уроков, сидя вместе со старшими учениками, он пил вино, которое они почтительно наливали ему, и пел. Он пел: «Царства приходят, царства уходят, // Катай пребудет вовек...»

Мальчик пару раз спросил отца об этом, но его отец был осторожным, рассудительным человеком и держал язык за зубами.

Этой зимой людям грозил голод, так как урожая чая не хватило, чтобы обменять его в правительственных конторах на соль, рис или зерно с нижнего течения реки. Государству полагалось иметь полные хранилища, выдавать пособие во времена лишений, иногда прощать задолженность по налогам, но этого всегда было мало или это делалось недостаточно быстро в неурожайные годы.

Поэтому этой осенью не оказалось денег, не оказалось припрятанных от правительственной монополии чайных листьев, чтобы продать их на горных перевалах и заплатить за обучение сына, каким бы умным и сообразительным он ни был, как бы его отец ни ценил ученость.

Навыки чтения и каллиграфические мазки кисти, поэзия, заучивание классических текстов Мастера Чо и его последователей... как бы высоко ни ценились такие вещи, о них действительно забывают, когда грозит голод.

А это, в свою очередь, лишало шансов на жизнь ученого-учителя, который когда-то готовился к экзаменам в столице. Туань Лун дважды сдавал экзамены в Ханьцзине, прежде чем сдался, вернулся домой на запад (путешествие длинной в два или три месяца, каким бы путем ты ни ехал) и основал собственную школу для мальчиков, стремящихся стать служащими, надеясь, что среди особо выдающихся

учеников появится полноправный кандидат на степень «цзиньши».

При наличии здесь школы появлялась хотя бы возможность, что кто-нибудь сможет попытаться сдать экзамен в провинции и, может быть, если сдаст, попробует сдать те имперские экзамены, которые сдавал Лун. Может быть, ему даже удастся это сделать и «войти в поток», присоединиться к великому миру придворных и чиновников, что не удалось самому учителю, ведь он теперь здесь, в Сэчэне, не так ли?

Или был здесь еще две недели назад.

Этот отъезд был причиной гнева и отчаяния мальчика, с того дня, когда он простился с учителем и смотрел, как он уезжает из Шэнду на черном ослике с белыми копытами по пыльной дороге в большой мир.

Мальчика звали Жэнь Дайянь. Большую часть жизни его называли Малыш Дай, и он старался заставить людей перестать его так называть. Его брат отказался со смехом. Старшие братья всегда такие – так Дайянь понимал положение вещей.

На этой неделе начались дожди, слишком поздно, хотя, если они продолжатся, может появиться слабая надежда на весну, для тех, кто переживет надвигающуюся зиму.

В деревнях новорожденных девочек топили сразу после рождения, об этом говорили шепотом. Это называлось «искупать младенца». Это было запрещено законом (так было не всегда, как рассказал им учитель Туань), но это случалось и служило одним из самых верных признаков того, что их ожидает.

Отец Дайяня говорил ему, что когда новорожденных мальчиков тоже бросают в реку, всем понятно, что дела совсем плохи. И в самом плохом случае, сказал он, во времена, когда нет никакой другой еды... Он развел руками и не договорил.

Дайянь считал, что он понял, о чем говорил отец, но не задавал вопросов. Ему не нравилось думать об этом.

Окутанный туманом и мглой у земли, прохладным и влажным воздухом раннего утра, ветерком с востока, мальчик рубил, выполнял повороты и выпад в бамбуковой роще. Он представлял себе, как его удары обрушиваются на брата, потом на варваров из племени кислыков, с их бриты-

ми макушками, окаймленными длинными, распущенными волосами, во время войны на севере.

По его мнению, гнев влиял на его мастерство владения мечом, он делал движения более быстрыми, но менее точными.

В большинстве случаев ты в чем-то выигрывал, но что-то терял. Выигрыш в скорости и потеря в контроле – к такой разнице следовало приспособиться. «С луком все иначе», – решил он. Тут точность важнее всего, но быстрота также имеет значение для лучника в столкновении с многочисленными врагами. Он великолепно стрелял из лука, но меч был гораздо более почитаемым оружием в Китае в те времена (уже минувшие), когда искусство воина пользовалось уважением. Такие варвары, как кысыки и сяолюй, убивали стрелами, сидя на конях, и стремительно уносились прочь, как тусы, каковыми и являлись.

Брат не знал, что у него есть лук, иначе он бы отнял его и забрал себе на правах старшего сына. А потом, почти наверняка, сломал или загубил бы его, потому что за луками нужно ухаживать, а Жэнь Цу был не из тех, кто способен ухаживать.

Лук Дайяню подарил учитель.

Туань Лун сделал ему этот подарок однажды летним вечером, чуть больше года назад, наедине, после уроков, достав из куска некрашеной пеньковой ткани.

Он также вручил Дайяню книгу, в которой объяснялось, как правильно натягивать тетиву, как содержать лук, как делать стрелы и наконечники для стрел. То, что у них были книги, знаменовало перемену в мире во время их Двенадцатой династии. Учитель Туань много раз повторял это: появление ксилографии даже в такой удаленной супрефектуре, как их собственная, позволяло получать информацию, печатные стихи, произведения Мастера, если ты умеешь читать.

Именно оно дало возможность открыть такую школу, какой была его собственная.

Это был секретный подарок: лук, дюжина железных наконечников, книга. Дайянь это понимал и прятал лук, а потом и стрелы, которые начал изготавливать, прочитав книгу. В мире Двенадцатой династии ни одна почтенная семья не

позволила бы сыну стать солдатом. Он это знал; он сознавал это каждую секунду, когда делал вдох.

Даже думать об этом было позором. Армия Китая состояла из крестьян с ферм, у которых не было другого выбора. Трое мужчин в хозяйстве фермера? Один идет в армию. Могло быть миллион солдат, даже больше (так как империя снова вела войну), но со времени жестоких уроков, усвоенных более трехсот лет назад (хорошо усвоенных), само собой разумеется, что двор контролирует армию, а семья может повысить свой статус только через экзамены на степень «цзиньши» и поступления на гражданскую службу. Поступить в армию и даже думать (или мечтать) о карьере воина, если у тебя есть хоть малейшая семейная гордость, означало опозорить память своих предков.

Так обстояли дела в Китае уже довольно давно.

Восстание военных, в котором погибло сорок миллионов человек, гибель самой блестящей династии, потеря обширных и богатых территорий империи... Такое может заставить изменить точку зрения.

Синань, некогда блестящий, прославленный город мира, превратился в печальные съезжившиеся руины. Учитель Туань рассказывал им о пробитых стенах, разрушенных улицах, заросших зловонных каналах, выгоревших домах, так и не отстроенных поместьях, заброшенных садах и рыночных площадях, парках, заросших сорняками, где бродят волки.

Могилы императоров возле города давно разграблены.

Туань Лун там побывал. «Одного визита оказалось достаточно», – сказал он им. В Синане водятся разгневанные призраки, стоят обугленные свидетели былых пожаров, всюду мусор и обломки, дикие звери на улицах. Люди ютятся в уголках города, в котором когда-то был самый роскошный на свете двор правителей.

Многое в природе их собственной династии, как говорил учитель Туань, проистекает из того давнего восстания, подобно реке. Некоторые моменты могут определить не только их собственную эпоху, но и будущее. Шелковый путь через пустыни потерян, отрезан варварами.

Теперь сокровища с запада не стекаются в Китай, в торговые города или ко двору в Ханьцзине. Как и легендарные зеленоглазые светловолосые танцовщицы, привозившие с